

Александра Позднякова

*Клеопатра и
белая кобра*

Александра Позднякова
Клеопатра и белая кобра

«Автор»

2026

Позднякова А.

Клеопатра и белая кобра / А. Позднякова — «Автор», 2026

Она умеет говорить «всё хорошо» на девяти языках. Она улыбается послам, жрецам и родственникам. Она — самая могущественная женщина мира — и самая уставшая. В ночь своего тридцать девятого дня рождения Клеопатра встречает белую кобру: собственный гнев, которому двадцать лет запрещали быть. Кобра не кусает. Она растёт — на одну честную фразу в день. «Клеопатра и белая кобра» — роман о кризисе возраста 39, 39 глав — 39 оттенков гнева: от раздражения до ярости, от обиды до права сказать «нет». История, психология и немного диетологии. Смешно до слёз и тепло до мурашек. Книга, которую захочется подарить самому близкому человеку. Для всех, кто устал быть сильным. Кобра уже ждёт.

© Позднякова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать девятый разлив Нила	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александра Позднякова

Клеопатра и белая кобра

Глава 1. Тридцать девятый разлив Нила

«Если женщина выучила девять языков, чтобы говорить всё хорошо, — богам следует быть настороже».

Из записок придворного врача

Ночью дворец притворялся, что спит. Стража притворялась, что стоит, писцы — что дописали, Нил — что неурожай не его вина. Одна Клеопатра не притворялась вовсе: она лежала с открытыми глазами и честно считала лягушек.

Лягушек в дворцовом пруду было три. Одна фальшивила.

— Я тоже, — сказала она потолку.

Потолок молчал. Он молчал уже тридцать девять лет, и этим был надёжнее всех советников.

Она встала. Тридцать семь шагов от ложа до двери, двенадцать до ниши со светильником, сто четыре — вниз, в архив. Эти числа она знала лучше, чем лица иных родственников. Родственники, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывались либо врагами, либо долгами. Иногда — тем и другим сразу.

Она выросла среди интриг, как другие растут среди садов: к десяти годам отличала искренний комплимент от политического по запаху.

В архиве пахло пылью и мёдом: свитки промазывали мёдом, чтобы мыши не съели мудрость. Мудрость оставалась цела. Мыши, видимо, тоже были должны.

Клеопатра развернула отчёт о зернохранилищах. Цифры стояли сухие, как русло в тот год: «Зерна — мало. Крыс — много. Надежды — см. выше».

Она фыркнула. Это была её собственная приписка трёхмесячной давности. С тех пор не изменилось ничего, кроме того, что крысы научились открывать кувшины. Талантливое поколение растёт без присмотра.

Она села на пол между стеллажами и положила корону на свиток. Корона была тяжёлой — ровно на два маленьких предательства. Она давно заметила: золото весит ровно столько, сколько врёт.

На крыше было лучше. Звёзды стояли по местам, как прилежные писцы: астрономию ей в детстве преподавали не для красоты, а для выносливости — звёзды единственные не требуют ничего.

Внизу дышала Александрия — хлебом, солью, чужой бессонницей. Клеопатра любила этот город, как любят трудного ребёнка: без надежды, но навсегда. За портом уже выстраивались очереди за водой: Нил в тот год скупился, и она велела открыть зернохранилища на три месяца раньше, чем советовали жрецы. Жрецы обиделись. Люди были сыты. Арифметика, по её мнению, сходится.

Она читала Аристотеля в подлиннике и держала в уме три возражения на каждый его тезис; четвёртое возражение — собственное — она берегла для Рима.

С моря тянуло холодом. Она плотнее закуталась в шаль и перечислила завтра по памяти: посол, жрецы, пир в честь дня, в который её родили. День, когда ей будут улыбаться все, а она — в ответ, и никто — никто! — не спросит, как она.

Потому что, если спросят, она ответит. А своего ответа она боялась давно.

Она ругалась по-латыни, считала по-гречески, молилась по-египетски, а улыбалась на том языке, на котором с ней говорили. Иногда поздно ночью она пыталась вспомнить, на каком

языке думала в детстве. Получался язык девочки, которая однажды боялась плакать в архиве: чтобы не потревожить свитки.

Когда она вернулась, на её подушке кто-то лежал.

Не муж, не любовник, не убийца. Те хотя бы объявляют о себе: муж — печатью, любовник — духами, убийца — скрипом. Этот лежал тихо, вежливо, свернувшись браслетом, и был белым, как молоко, которое решило стать царицей.

— Кобра, — сказала Клеопатра с уважением. — В моей постели. Если ты пришла меня укусить — встань в очередь. У меня расписание до осени.

Кобра подняла капюшон. На капюшоне был рисунок бледного золота, удивительно похожий на маленькую диадему. Глаза — две капли старого мёда: тёплые, но видящие насквозь. Размером — скромный браслет.

— Это твой окончательный облик? — спросила Клеопатра.

— Это то, что осталось после твоей вежливости, — ответила кобра. Голос у неё был сухой и спокойный — голос хорошего счетовода. — Я не кусаю. Я пришла жить к тебе.

Клеопатра не упала в обморок. Она слишком много видела, чтобы падать: брата-мужа, мешок с грязным бельём вместо триумфального ковра, римлян, которые называют себя друзьями. Говорящая кобра была, честно говоря, самым приятным сюрпризом месяца.

— Кто ты?

— Твой гнев.

Клеопатра моргнула. Села на край ложа, стянула волосы лентой — быстро, не глядя, как солдат стягивает повязку. Волосы были цвета мёда, оставленного на солнце; пальцы — тонкие, с мозолью на среднем пальце правой руки от тростникового пера: единственная царица, которая сама писала свои отчёты.

— Я не злюсь, — сказала она. — Я просто устала.

— Это и есть злость, — сказала кобра, — которой двадцать лет запрещали быть.

— А у гнева есть имя?

— Появится, — сказала кобра, — когда ты перестанешь меня бояться и назовёшь вслух. А пока — зови просто «ты».

Тишина. Фальшивая лягушка квакнула за окном. На этот раз это прозвучало как тост.

— Ошибаешься, — сказала наконец Клеопатра. — Я самая спокойная женщина отсюда до Мемфиса. Я улыбаюсь послам. Я улыбаюсь жрецам. Я улыбаюсь, когда мне рассказывают, будто меня привезли к Цезарю в ковре, хотя это был мешок с грязным бельём.

— В ковре? — кобра заинтересованно приподняла капюшон.

— В мешке. Я чихнула по дороге три раза и неделю пахла солдатской туникой. А теперь меня рисуют на стенах лежащей на шёлке. Шёлк! Переживу этот разлив — введу налог на дурные легенды.

Кобра рассмеялась. Смех у неё был тихий — шелест папируса.

— И ты не злишься?

— Я иронизирую, — достойно ответила Клеопатра. — Это злость, получившая хорошее образование.

— Нет, — сказала кобра. — Это злость, которая села в кресло и решила отдохнуть. А я пришла встать. Я белая от молчания, царица. Злость, когда кричит, — красная. Когда молчит — белеет.

— У тебя есть слабости? — спросила Клеопатра, чтобы не молчать.

— Одна. Мёд. Злость любит сладкое: всё детство ей не давали.

В тридцать девять её лицо было интересным, а не красивым, и Клеопатре это нравилось: красота требует, чтобы на неё смотрели, интересность — чтобы её слушали. Но сейчас впервые за долгие годы её смотрели. Без восхищения. Без страха.

Она рассмеялась — легко, как смеялась в детстве, ещё не зная, что смех тоже политический инструмент. И в тот же миг из глаза упала слеза. Одна. Прямо на лён.

— Это что? — спросила кобра.

— Роса.

— В спальне? Ночью?

— У меня свой климат, — Клеопатра вытерла щёку тыльной стороной ладони. — Не записывай.

— Я не записываю, — сказала кобра. — Я запоминаю. Это моя работа.

Утром Хармиан вошла с подносом и застала госпожу беседующей с подушкой.

— Царица, — осторожно сказала Хармиан, ставя поднос, — ты с кем...

— С собой, — сказала Клеопатра. — Я побеждаю.

Хармиан кивнула с лицом человека, который служит царице двадцать лет и видел хуже. Например, как царица в шестнадцать спорила с картой Нила. Карта проиграла.

— Сегодня твой день, — сказала Хармиан. — Тридцать девять.

— Знаю, — сказала Клеопатра. — Я посчитала.

— И что пожелала себе?

— Подарок, — сказала Клеопатра. — Я подарила себе день без «да». Если кто-то попросит меня о чём-нибудь, запиши. Я подумаю об этом в следующий разлив. Кстати, передай повару: дочь Таис перестала есть. Я заметила.

— Как?

— Она снова рисует на песке. Сытый ребёнок рисует лодки. Голодный — хлеб. Пусть ей несут тёплые лепёшки с мёдом. И не говори, что это я. Скажи — от лягушек.

Хармиан приподняла брови.

— В полдень придёт римский посол.

— Пусть приходит, — сказала Клеопатра.

Белая кобра на её плече подняла капюшон. Хармиан посмотрела на плечо госпожи. Там никого не было. Но Хармиан знала: если плечо царицы стало легче, значит, на нём кто-то сидит.

— Мёду принести? — спросила она.

— Принеси, — сказала Клеопатра. — И инжира. Мне сегодня тридцать девять. Если не сейчас, то когда.

— И ещё, — сказала Хармиан у двери, — повар спрашивает, правда ли, что ты велела ввести налог на дурные легенды.

— Правда, — сказала Клеопатра. — Начните с ковра.

Кобра одобительно зашипела. Это прозвучало как «наконец-то».

За окном квакнула четвёртая лягушка. Раньше она никогда не квакала: молчала весь год — и вот решилась. Клеопатра улыбнулась и пошла навстречу послу — учить его новому слову. Слово было короткое. Три буквы. И очень красивое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.